

«Железная леди» в «Доме на Волхонке»

Рос. музей - 1996 - 1997019 - с 3

Эта молодая, элегантная женщина, которая часто появляется на экранах телевизоров, чье имя не сходит с газетных страниц, всегда производит впечатление решительного и целеустремленного человека. О таких говорят: «Железная леди». Ирина АНТОНОВА, директор Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, более 30 лет управляет одним из лучших художественных собраний страны. При разных общественных системах, преодолевая «риффы и буруны» идеологических догм и финансовые проблемы, она проводит последовательную музейную политику, благодаря которой «Дом на Волхонке» был и остается важным культурным центром России. А в разговоре о «художествах» Ирина Александровна незаметно для себя сбрасывает «маску» строгой деловой женщины. И в ее увлеченных рассуждениях о живописцах и скульпторах очевидна непреходящая радость, вновь и вновь даруемая встречами с искусством.

- Вы выбрали профессию искусствоведа, стали музейным работником. Это случайность или раннее понимание своего призвания?

- Когда я еще училась в школе, то уже знала - будущая работа обязательно будет связанной с искусством. Но тогда я больше увлекалась театром, бегала на спектакли с Качаловым, Остужевым, Бабановой. Безумно любила музыку, оперу... Это, наверное, гены - ведь моя мама окончила Консерваторию, а отец (инженер-стекольщик) играл в любительском театре. Любимым чтением с детства были пьесы - Шекспир, Шиллер, Чехов, а изобразительные, пластические искусства я знала гораздо хуже. Но в старших классах я увлеклась

историей, и пришло понимание того, что живопись, скульптура, графика тесно связаны с ходом времени, с гуманитарным аспектом прошлых эпох и современности. И я поступила в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории) на искусствоведческое отделение, сдав невероятно сложный экзамен, - было 25 человек на место. Через год началась война, наш институт слили с Московским университетом, который я окончила в 1945 году. У меня были замечательные учителя, которые поощряли мой интерес к зарубежному искусству: Михаил Владимирович Алпатов, Борис Робертович Виппер, Виктор Никитич Лазарев... Сразу по окончании я пришла работать в музей, и с тех пор это мой родной дом.

- А директором ГМИИ вы стали в...

- ...1961 году. До этого была научным сотрудником, хранителем в отделе скульптуры. Предложение возглавить музей стало совершенно неожиданным: у меня не было никакого опыта административной работы.

- Много ли творчества в директорской должности?

- Мне хотелось, чтобы моя деятельность на этом посту служила «катализатором» динамичного процесса, чтобы музейная жизнь была не рутинной и неизменной, но постоянно обновляющейся. Я имею право считать себя автором ряда крупных культурных проектов, выполненных, конечно, не мной одной. Новая экспозиция, появившаяся в середине 70-х годов, - поворотное событие в жизни музея, крупнейшие выставки, международные начинания типа «Москва - Париж» и «Москва - Берлин», ежегодные научные Випперовские чтения, «Декабрьские вечера», в разработке концепции которых я принимала участие с самого начала. Или

Музей личных коллекций... И, конечно, лекции в нашем лектории, которые я продолжаю читать. Я - академик Академии образования, и меня очень обрадовало недавно полученное звание доктора «гонорис кауза», которое мне присудил Российский государственный гуманитарный университет. Это и есть признание творческого характера моей деятельности.

- Недавно вам присуждена Государственная премия России...

- Да, это почетная и высокая награда. Меня особенно радует, что отмечены «Декабрьские вечера». Идея синтеза искусств, то, что волновало Вагнера, Скрябина, Кандинского, - в нашем музее предложена Святославом Теофиловичем Рихтером, сотрудниками ГМИИ проведенная в жизнь, - плодотворно осуществляется уже 15 лет. Подобные начинания теперь - и в Кускове, и в Третьяковке, и в музеях Кремля. А недавно был очень трогательный звонок из сибирского города - они тоже хотят устраивать музыкальные концерты в музее. И мне говорят: «Мы решили назвать их «Декабрьские вечера». Я спрашиваю: «А когда вы будете их проводить?» - «В апреле». Видите, название уже живет своей символической жизнью, став обозначением высокого искусства...

- Вы упомянули смену экспозиции, назвав ее «поворотным событием»...

- В момент создания музея в нем было 9 тысяч экспонатов, с тех пор он увеличился в 50 раз. А дом, построенный в 1912 году, - все тот же. И те же принципы, заложенные основателем Иваном Владимировичем Цветаевым, - много слепков, а большая часть коллекции живописи лежала в запасниках. То есть произошло «смысловое» столкнове-

ние между показываемым собранием «учебного» характера и сокровищами, которые никто не мог увидеть. Нужно было «перераспределить» площади - и начались баталии. Мы оказались в котле интриги, направленной усилиями тогдашнего реакционного руководства Академии художеств. Конечной ее целью было недопущение в постоянную экспозицию живописи импрессионистов и искусства XX века. Чтоб «никаких сезаннов и матиссов не было!» Нужно было поменять не просто экспонаты, но поменять мировоззрение. Этого удалось добиться, хотя меня «вызывали на ковер» в ЦК КПСС, в газетах появлялись дикие статьи: кто-то написал, что я хожу по музею с палкой и разбиваю слепки с реалистических шедевров, чтобы заменить их «безыдейными» и «формалистическими» произведениями «буржуазных» художников...

- Раньше не было свободы, но была гарантия материального государственного содержания. Теперь - отчитываться ни перед кем не нужно, но нет денег...

- Я иногда сама удивляюсь: бюджетных денег меньше, но с точки зрения тех же денег, делаем мы больше. Конечно, помогают спонсоры... Главное - мы дышим свободно. Ведь раньше я получала выговоры за выставку Тышлера в 1966 году или за исполнение в музее музыки Стравинского и Мессиаана. А о чем-то - например, о выставке Мондриана, которая у нас скоро будет, - мы и мечтать не могли. Хотя всегда делали возможное и невозможное. У нас многие годы были творческие «среды», когда к нам приходили ученые и читали свои работы, которые не могли быть напечатаны. Лосев, Аверинцев, Баткин, Зинченко... Это был наш «глоток свободы»...

- Вы объездили многие страны и континенты. Есть ли у вас любимый музей?

- В мире много прекрасных музеев. Но если говорить об особом настроении, о концентрации художественной ауры, возникающей при посещении, - это, наверное, Фрик - музей в Нью-Йорке. Частное собрание, вилла в центре города, там потрясающая коллекция, небольшая, но очень качественная - Гойя, Рембрандт, Вермеер, Беллини... Удивительная обстановка - тишина, бьет фонтан. Не устаешь специфической музейной усталостью, просто вбираешь в себя красоту и восторгаешься ею...

- Что такое идеально устроенный Музей изобразительных искусств на Волхонке? Как бы он выглядел, будь у вас неограниченные возможности?

- Это был бы музей, в котором только половина площадей была бы отведена под показ коллекций, а половину занимал бы многопрофильный культурный центр. С кружками для детей от 3 до 17 лет, живописными студиями для взрослых, с кинозалом, с компьютерами, работая с которыми посетители музея могли бы узнать все о любимом художнике или картине. У нас можно было бы поработать на гончарном круге или писать маслом, как это делается в некоторых зарубежных музеях. Это был бы дом, где есть возможность самовыражения и для творцов, и для посетителей...

- В вашей жизни были встречи с шедеврами мирового искусства и знаменитыми людьми, она полна интересных событий. А что вам наиболее памятно?

- Никогда не забуду, как я впервые, молоденькой девушкой, увидела Сикстинскую мадонну. Это было 10 августа 1945 г. В музей привезли так называемые «пере-

мешенные» произведения искусства: художественные коллекции из Германии, в том числе сокровища Дрезденской галереи. В Итальянском дворике музея ее вытащили из ящика солдаты. А мы, сотрудники, потрясенно рассматривали. Это был не просто шедевр Рафаэля, но символ вечности, победы, мира над войной, новой жизни.

Или открытие Дрезденской галереи в нашем музее - когда люди по три дня перекликались в очередях, чтобы посмотреть... А сколько незабываемых впечатлений от других искусств: приезды «Ла Скала», первое исполнение Седьмой симфонии Шостаковича в военной Москве; Уланова в «Ромео и Джульетте»... Концерт Рихтера в Консерватории, я сижу рядом с Ираклием Андрониковым, и он мне говорит: «Все-таки искусство», - и я, слушая игру великого пианиста, в тот момент с ним соглашаюсь. Помню и свое потрясение от шедевра Вермеера «Офицер и смеющаяся девушка», увиденного в Америке...

А вне искусства - радость от того, что занимаешься любимым делом, видишь «плоды творения»

своих рук... И воспоминания о счастливых мгновениях, когда я - много лет назад - не бегу, а буквально лечу по Ленинградскому проспекту на свидание с человеком, которого я люблю, который позже стал моим мужем...

- Вся ваша жизнь связана с творчеством, с искусством, через которое человек выражает свою душу и свой дух. Вы когда-нибудь сами себе задавали вопрос: «Для чего нужно искусство?»

- Если в вашей жизни была удача, так сложилось, что вы приобрелись к миру живописи, вообще к пониманию искусства, то вы живете обыденной жизнью - и одновременно «в другом измерении». Вам открываются особые душевные переживания, особые мгновения счастья. Когда есть чувство радости, наслаждения от художественного произведения, ничто не заменит этих бескорыстных, «неприкладных» эмоций. Искусство может делать людей счастливыми. Ведь «одной любви музыка уступает, но и любовь - мелодия». Пушкин сказал истину: любовь и искусство - одно и то же...

Майя КРЫЛОВА